

Берт Гуртуев

Моя песня

Стихи и поэма

Авторизованный перевод
с балкарского
Риммы Казаковой

«Современник»
Москва • 1973

С (Кав)
Г95

Гуртуев Берт Измаилович

Г95 Моя песня. Стихи и поэма. Авториз.
пер. с балкар. Риммы Казаковой. М.,
«Современник», 1973.

88 с., 1 л. портр. (Новинки «Современника»).

Творчество Берта Гуртуева хорошо известно у него на родине, в Кабардино-Балкарии. Делегат I съезда писателей, Б. Гуртуев сражался на фронтах Великой Отечественной войны, в послевоенные годы вместе со своим народом строил мирную жизнь. Герои его стихов, отмеченных ярким фольклорным колоритом, всегда люди ищущие, целеустремленные, творчески преобразующие жизнь.

Г $\frac{0743-029}{106(03)-73}$ 143—73

С (Кав)

Жизнь для поэзии

Горные реки начинаются с вершин. И подобно этим рекам, путь настоящей поэзии — это путь по вершинам. Отсюда, с белоснежных, усыпанных солнечной пылью вершин Балкарии, берут свои истоки жизнь и поэзия Берта Гуртуева, основоположника современной балкарской литературы. Народный поэт, как подмастерье, проходит выучку у поэзии своего народа, у песен, которые поют горцы на свадьбах, уходя на битву, у словесных речений, у меткой поговорки. У народной поэзии учился Берт Гуртуев распевности интонаций и афористичности строк, у нашей советской действительности учился гражданственному осмыслению жизни.

«Пусть опасен крутой поворот, но во всем, как отважного сына, коммуниста поддержит народ — оттого велика его сила». Читая эти исполненные гражданской гордости строки, как не вспомнить, что Берт Гуртуев был делегатом еще I съезда писателей, видел Горького, на всю жизнь запомнил его слова о назначении поэтического слова...

Можно сказать, что отличительной чертой стихов и поэм Берта Гуртуева является гражданственный лиризм.

Цветы и песни есть у меня
Для радости и печали.
Цветы и песни — начало дня,
Все, что у нас вначале, —

так определяет он лирическую направленность своего оптимизма. «Цветы и песни» — вот начало его поэтического жизнелюбия. Берт Гуртуев своими стихами как бы пишет лирическую биографию своего современника. Путь, пройденный Советской страной, уме-

стился и в рамки биографии поэта, который недавно отметил свое шестидесятилетие.

Эта близость к большим событиям времени, близость к живому, вещественному материалу придает его мастерству конкретную образную окраску. У него «небеса на землю пролились», а «поземка висит маскхалатом». Так мог бы сказать только хлебороб и вчерашний солдат.

В стихах Гуртуева есть и другая образность, идущая от гражданственного видения мира: «Красный месяц — на подносе обезглавленной горы», — пишет он в одном из своих стихотворений, выявляя в словах их определительную функцию. И не случайно, помоему, то, что многие строки его стихов уплотнены до афоризма, а ведь слово, как порох, — только сжатое производит действие!

Много хлеба, — значит, много песен,
Много счастья на родной земле.

Читая эти строки, постигаешь истоки жизнелюбивой поэзии Берта Гуртуева.

Берт Гуртуев не только зачинатель балкарской советской поэзии, он и продолжатель лучших поэтических традиций своего народа, о чем наглядно свидетельствуют его стихи, поэмы и романы. Особенно такие поэмы, как «Среди друзей» и «Жулдузхан», а также роман-хроника «Новый талисман».

В центре всех этих произведений — простой человек, о руках которого так поэтично Гуртуев говорит в одном из своих стихотворений:

Не боятся черной пыли
И жестокого огня...
Пребывают в полной силе,
Честь рабочую храня.

Так жизнь становится поэзией, так поэзия продолжается в жизни, потому что путь поэзии — это путь к вершинам.

Владимир Цыбин

Щедрость

Эй, добрый путник, погоди!
Мой дом открыт для гостя,
И сад навстречу, погляди,
Протягивает гроздья.

Потом ты свой продолжишь путь,
Но прежде нужен отдых.
Прошу тебя, кунак, вдохнуть
Наш благодатный воздух.

Глотнуть домашнего вина
Из дружеского рога, —
А без него вдвойне длинна
Покажется дорога.

Так проведи в дому моем
Час краткого досуга.
Мы за столом с тобой споем,
Как два старинных друга.

Гость дому счастье принесет,
И рад ему хозяин.
Входи! Недаром мой народ
Гостеприимством славен.

Цветы и песни

Цветы и песни есть у меня
Для радости и печали.
Цветы и песни — начало дня,
Все, что у нас вначале.

Цветы и песни... Чего-то нет
В букете моем, быть может.
Но если вижу чужой букет,
Зависть меня не гложет.

Цветы и песни... Песня моя,
Должно быть, иных скромнее.
Но по суровым дорогам я
Шагал не с кем-то, а с нею.

Цветы и песни... Если цветов
Нет у кого-то рядом,
Всегда свои я отдать готов,
Стать ему кровным братом.

Согрейся, певедомый друг, у огня
Братской моей любви!
Цветы и песни есть у меня, —
Считай, что они твои.

Навстречу ливню

К скале, дрожа, зеленый куст прищип, --
Она жестка, как высохший чурек.
И, высунав серебряный язык,
По каменному руслу мчит Черек.

Все громче шепот листьев в тишине:
В нем страх, и удивленье, и укор.
В ущелье, как джигит на скакуне,
Гарцует вестник ливня — ветер гор.

Плывут, сгущаясь, клубы черных туч.
В их очертаньях смутная печаль.
И прячет солнце в них последний луч,
Как женщина под вечер плечи в шаль.

Вокруг все ожидания полно,
Напряжено сомненьем немоты.
Но молнии тревожное мятно
Вдруг осветило камни и кусты.

И грянул гром, как будто собрались
Сто великанов в схватке на горе,
И небеса на землю пролились,
Купая землю в чистом серебре.

И те, кому поэзия — сестра,
Заслышав эхо молодых громов,
Как на огонь веселого костра,
Навстречу ливню вышли из домов.

И ливень землю радостно поит,
И пьет она, торжественно-тиха.
И в переливах радужных парит
Созвездье капель — строчкою стиха.

Сплелись и шум реки, и гром, и гул
Гор, что простылись с прежней тишиной.
И в благодатном гуле потонул
Весь, обновленный ливнем, край родной.

Как дерзок он — воды и ветра спор!
Поэт, тебе пойдет все это впрок.
Спеши навстречу ливню, к ветру гор,
Чтоб свежестью повеяло от строк.

Подарки

Как вечно я молодость, вижу
Военной зимы снегопад.
Из прошлой метели все ближе
Подходит знакомый солдат.

Поземка висит маскхалатом,
И в спину мешок ему врое...
Он почту разносит солдатам,
Живой полковой Дед Мороз.

Но здесь не хлопунки — снаряды,
И пули, а не конфетти.
Его ждут в окопах солдаты,
И значит, он должен дойти.

Смерть рядом... С таким провожатым
Не стоит в дороге шутить...
Но должен своим адресатам
Почтарь все подарки вручить.

Вглядевшись в минувшее, вижу,
Как шагом, бегом и ползком,
Все ближе к окопам, все ближе
Солдат тот с заветным мешком.

Средь хаоса, снега и грома,
Над скромной посылкой склоняясь,
Тепло довоенного дома
Почуствовал каждый из нас.

И взрослые рады, как дети,
Вдохнув мимолетный уют,
И прямо — упрямо! — к победе
Опять из окопов встают.

В ответ мы, таков уж порядок,
Дарящим дары свои шлем —
Пелегкий солдатский подарок:
За городом город берем.

И если на кратком привале
Махру мне предложит сосед,
Я знаю, соседу прислали
В подарок сегодня кисет.

Дороже редчайшего клада —
Да просто цены ему нет! —
Нехитрая радость солдата,
Военной расцветки кисет.

...Давно отгремели атаки.
И в памяти, и во сне...
Но вот фронтовые подарки
Все снятся по-прежнему мне.

Рассвело, опять рассвело...
Поле, словно бумага, бело.
Я черчу на нем письмена:
Буквы черные — семена.

У коня стальные бока,
Он похранывает, топча
Землю, древнюю, как века,
Что податлива и горяча.

Конь мой, добрый свой труд верши,
Золотые стихи пиши,
Чтоб из строчек — борозд земли —
Новой жизнью они взойли,

Коммунист для народа живет,
Сокрушая все в мире преграды,
Он идет без сомнений вперед
И не ждет от потомков награды.

Он из мира насилья и мглы
Строит мир, что насилья не знает.
Он тяжелые кандалы
С обреченных запястий сбивает.

Он всегда бескорыстен и чист,
Все судом своей совести судит.
«Это — ленинец, коммунист», —
Говорят с уважением люди.

Не страшна коммунисту скала, —
Если вдруг на пути его встанет.
И какой бы она ни была,
Он ей кланяться в пояс не станет.

Пусть опасен и крут поворот,
Но во всем, как отважного сына,
Коммуниста поддержит народ —
Оттого велика его сила.

Огонь и вода

Огонь смеялся над котлом с водой,
Грозя воде внезапную бедой:
«С тобой покончу я одним ударом.
Вот захочу, и сразу станешь паром!»

Вода вздохнула: «Уважаю власть...»
Вскипела и на пламя пролилась.
И в тот же миг, наказанный судьбою,
Погае огонь, что был так горд собою.

Города герои

С чем мне сравнить герои-города?
Их слава не померкнет никогда.
И до сих пор враги еще дрожат,
Услышав: «Ленинград» и «Сталинград».

Одесса... Ты не звук в моей судьбе.
Я в раннем детстве слышал о тебе.
У стен твоих врагам не повезло:
В Одессе триста тысяч их легло.

Ты, Севастополь, часто си니шься мне,
Но в мирной жизни, а не на войне.
Враг ликовал: «Мой флаг навеки здесь!»
Но нет его, а ты, как прежде, есть.

Отчизною любимую храним,
Ты сам, как воин, охраняешь Крым.
Родимый дом отважных моряков,
Жемчужина страны — вот ты каков!

Все узится блокадное кольцо...
Я вижу, Ленинград, твое лицо.
Морозы. Смерть. Обстрелы. Черный дым...
Но мы тебя врагу не отдадим!

Народная здесь утвердилась власть,
Здесь кровь рабочей гвардии лилась;
И никогда фашистам не пройти,
Пока ты, Ленинград, на их пути!

Над Волгоградом — юная заря.
По вспять пройдем пути календаря.
Вся Волга полыхает от огня.
Горит земля, и плавится броня.

Берлин трехдневным трауром объят.
Он будет помнить слово «Сталинград»,
По праву, алым пламенем горя,
Над Волгоградом — юная заря.

С чем мне сравнить герои-города?
Их слава бесконечно молода.
Друзья гордятся именами их,
Отважных современников своих.

Прекрасные герои-города
Живой легендой стали навсегда,
А для врагов, для подлых сил войны,
Их имена по-прежнему страшны!

Уж коль сравним талант с ружьем,
То надобно учесть:
Мы из ружья по цели бьем,
Когда в нем пуля есть.

И о стихах так говорят,
Когда их смысл толков.
Слова — наряд, а смысл — заряд
Талантливых стихов.

* * *

Бьется ветер в кустах, как бьются
Птицы в тесной клетке своей...
И как перья их, остаются
Ключья снега среди ветвей.

Я сродни самому пророку —
Так от инея густо сед.
Но бессильна поэмка, поскольку,
Словно пух, подминаю снег.

Ярость ветра меня не согнула,
Хоть гудел он со всех сторон...
И село наконец взглянуло
Ярким взглядом своих окон.

И забилося тревожно сердце.
Осторожно стучу в стекло...
Навсегда я могу отогреться,
Лишь взгляни на меня тепло!

Море

Под жгучим солнцем, сонное такое,
Застыло ты в серебряном покое.

Большое небо на волнах качая,
Ты не внимаешь даже крикам чаек.

А если разбушуешься однажды,
Найдется вряд ли кто-нибудь отважный,

Кто твоего не устрашится плена,
Кому и вправду — море по колено.

Но пусть над морем небо в черных тучах,
Благословляю гребни воли могучих.

И в штиль, и в шторм — всегда они красивы.
На мой народ они похожи силой.

Голос природы

От белых перьев
Проходу нет:
Это первый-препервый
Падает снег.
Можно землю сравнить
С человеком усталым,
Засыпающим под небывалым
Таким одеялом.
И шепчет вечер,
Что будет мороз.
Только сам он
Не верит в суровый прогноз.
Я иду, гадая —
Как мир этот зимний,
Иней снний-преснний
Домой навсегда унести мне?

Ростки озимых
И каждый сад
В самых зимних-презимних
Нарядах стоят.
И припомнил я вдруг
Под киргизским рожденную небом
Поговорку:
Зима студит снегом —
Земля будет с хлебом.

Проходят пары..
Роняют смех —

И девчонки и парни —
На праздничный снег.
А деревья, как деды,
Снежным мехом одеты:
Так и будут стоять
И дремать вплоть до самого лета.

Не видно неба,
И нет луны...
Тропы искрами снега
Освещены.
И сугробы встали
На горы похожие, кетати.
Ах, как славно
По первому снегу плутать мне!

Но не обманет
Меня белизна,
Очень скоро нагрянет
В горы весна.
Беспокойней не сыщешь
Весенней погоды,
Но весной лишь услышишь
Ликующий голос природы.

Юноша-балкарец с тонким станом —
Как велит обычай наш века,
Угощает путника айраном
Из коричневого бурдюка.

Чашу гость, усы погладив, поднял,
Пригубил и осушил ее.
Жажду утолив айраном, понял:
Это — в мире лучшее питье.

За прямоту твою и честный труд
Тебя в Советы люди изберут;
Ты нас не подведешь, мы это знаем.
Нам дорог твой совет, твой мудрый суд.

Тебе, наш друг, мы верим до конца,
Как доверяем опыту отца,
Как следуем заветам материнским,
Мы поверяем по тебе сердца.

Колхоз и школа, стройка и завод —
Везде в тебе нуждается народ.
Во всех своих делах, больших и малых,
Тебя всегда на помощь он зовет.

Ты — впереди, ты — признанный вожак,
И, на тебя равняясь, как на флаг,
К свершениям великим и победам
Идем, не отставая ни на шаг.

Родник

Нет на небе ни облачка.. Жара.
Иду, от долгой жажды сам не свой,
И на плечах как будто бы — гора,
И голод, словно холод, скулы свел.

Но вдруг среди высокогорных круч —
Родник. Я подошел, спросил его:
— Скажи, не ты ли тот заветный ключ
Из старых сказок детства моего?..

Звенит вода, шуршит вода, бежит
По смуглоте шлифованных камней,
Как зеркало — красавицу, манит
Глотнуть живой воды из прошлых дней.

Я шляпу снял, с восторгом воду пью,
К желанному источнику прижав,
И возвращаю молодость свою,
Усталость, как вторую шапку, сняв.

Иду по малахитовой траве,
И снова стали легкими шаги,
Отчетливыми — мысли в голове..
За это горцы славят родники.

Хлеб и песни

На полях поспела кукуруза —
На просторах, солнцем залитых.
И корзинам тяжело от груза
Молодых початков золотых.

Вот и я сегодня рад и весел,
Как и весь народ в моем селе.
Много хлеба, — значит, много песен,
Много счастья на родной земле.

Родной язык

Был сначала колыбельной
Для меня язык родной.
Был ты просто картой белой,
Неоткрытою страной.

Песней материнской стал ты,
Первых радостей родник.
Выводил меня на старты
В жизнь и в творчество язык.

В детстве доброй был ты сказкой,
Мой исток и мой причал:
Я по азбуке балкарской
Сложность мира изучал.

Мед — устам, настой целебный
Сердцу в дни великих бед,
Все прошел и уцелел ты,
Юн, как свет, как горы — сед.

Стар, как мир, широк, как море...
В море этом, знаю я, —
И при счастье, и при горе —
Капля малая твоя.

Для врагов — тревогой трубной,
Для друзей звучишь зурной,
Самый легкий, самый трудный,
Самый близкий и родной.

Течет чистый ручеек из Тогай.
Ты его, скала, не толкай!

Как живой мальчишка, он бежит,
На равнину путь его лежит.

От течения стараясь не отстать,
Рыбки малые плывут — ему под стать.

Но, услышав звук неведомый один,
Ищут эти мальши больших глубин,

Чтобы им вдруг не попасть наверняка
В пасть разинутую сети рыбака.

И на дне они лежат, а наверху
Не везет никак с рыбалкой рыбаку.

Он сперва забросил снасти, но потом
Стал жестоко браконьерствовать шестом.

Бьет злодейски, во всю силу руки,
Прямо в детство этой маленькой реки.

Могилы
старого
Чёне

Не забыть мне того,
Как встречал свой конец
В прошлом — лучший джигит,
Самый сильный борец.

Тот, чьи шутки разили
Точней его пуль,
Что так метко всегда
Посылал он в косиль.

Тот, кто другу в беде
Помогать успевал,
Брал любой перевал,
Громче птиц распевал.

Он сражен наповал,
Знаменитый Чёне,
Хворь ведет его в смерть
По последней тропе.

Еще смотрят глаза
Из глубоких глазниц,
Их тоскующий взгляд
Никому не грозит.

Что-то шепчет Чёне,
Только голос дрожит,
Неподвижно джигит
Предо мною лежит.

Я подошел к старику, —
Он глазами зовет,
Непослушен
Исусенный старостью рот.

Но Чёне повторяет
Попытки опять, —
Видно, важное что-то
Он должен сказать.

Знать, особенный смысл
Придаст он словам...
Я почти припадаю
К остывшим губам.

И в последнем желании
Старый Чёне
Вечный яд ожидания
Выбрал себе...

— Если в фронте вернутся
Мои сыновья
Или раннюю смерть их
Оплачет семья,

Знать хочу я,
Что делают в мире они,
Я услышу, — лишь ты
Мне об этом шепни!

Но могила Чёне
Там, в степи, далеко, —
От Балкарии
Не докричать до нее,

Исполняя последнюю волю,
Но я знаю, он слышит слова:
— Эй, Чёне!
Возвратилась твой сыновья.

Поэт и пчела

Лишь только солнца позолота
Собой оденет все кругом,
Покинет свой медовый дом
Пчела — мохнатый дух полета.
Хозяйкой летних дней — пчела —
В пыли дорог, в пыльце цветочной...
И зарифмованы так точно
В пространстве два ее крыла.
Но все же,
Где бы ни была,
Она вернется в дом с нектаром,
В народе говорят недаром:
«Трудолюбивый, как пчела».
Работай счастливо, пчела:
Один цветок,
Десятый,
Сотый, —
Чтоб мед светился в общих сотах,
Чтоб сытой вся семья была.
Поэт!
Весь мир — твоя семья,
Бедою болен ты чужою,
И я сравнил тебя с пчелою,
Узнав, как ищешь ты слова.

Мой аул

Я не забуду, хоть я стал седым:
Над Белою Речкой полз черный дым,

И, красною кровью обагрены,
Лежали убитые чабаны.

И было известно, чья в этом вина:
Лавиною с гор налетела война.

Седлали джигиты горячих коней, —
И ночь становилась в ауле длинней.

И гасли, аул мой, твои очаги,
Топтали чужие тебя сапоги.

И все тяжелела проклятая мгла
На небе твоём... Но надежда жила!

Хотя ты скитался в далеких краях,
И там оставался сынов твоих прах,

И многих сейчас аульчан с нами нет,
Но тьму победил торжествующий свет.

И снова ползут над тобою дымы —
Дымы очагов, что отстроили мы,

И вновь голоса над тобою звучат
Всегдашних хозяев — вчерашних солдат.

Где раньше скрипела воловья арба,
Автобуса ждет озорная толпа.

И новая жизнь по домам провела
Песунице солнечный свет провода.

Поет вечерами твоя молодежь,
И ты вместе с нею, аул мой, поешь.

Не зря сиротел ты, сражался, терпел, —
Как имя твое, путь твой светел теперь.

Одетый в метели, в лучи, и в росу,
Всегда ты приветлив, аул мой, Ак Су!

С гостями умеешь вести разговор,
Нарзаны шипят у подножия гор,

Огни отражает родная река,
И стал ты похожим на город слегка.

Поэты твою воспевают красу,
Я тоже стихи тебе преподнесу,

Как первой возлюбленной в юном лесу,
Веселый и добрый аул мой, Ак Су!

С высокой горы я смотрю на тебя,
Рождение строк о тебе торопя.

Стоишь, как стоял ты, на этой земле,
В огне не пропал ты, не сгинул в золе.

Послушай, Ак Су, о тебе я пою.
Нет слов, чтобы выразить радость мою!

Голос Сулеймана¹

Расправив крылья, к солнцу взмыл орел,
Тепло гнезда храня упругим телом.
Там, в небесах, свободу он обрел,
В бездонные высоты полетел он.

И слышу я, как крылья шелестят,
Хотя уже он скрыт большою тучей.
И жду, когда вернется он назад,
Неукротимый, вольный и могучий.

Вернется, утверждая торжество
Полета над бессилием тумана.
Он нарт² великий, я узнал его,
Поэта Дагестана — Сулеймана.

Жил на земле, любил, мечтал, творил
Седой певец, не сторбленный годами,
Чей голос по-орлиному парил
Над гордыми Кавказскими горами.

Когда мне слушать довелось его,
Как никогда уж не придется снова,
Я понял чувства брата своего
И понял смысл его любого слова.

¹ Сулейман Стальский.

² Герой народного эпоса.

И ухо мне ласкал чужой язык,
Что был из звуков непривычных соткан,
И ощутил я, лишь напев возник,
Что он о дружбе, чистой и высокой.

Промчались годы, и когда порой
Я с грустью четки лет перебираю,
Вновь, Сулейман, я слышу голос твой,
Я слышу песню — гимн родному краю.

Твой голос вечен, он не умирает!

Пожелание

Лето, позабыв про осень,
Празднует свои пиры.
Красный месяц — на подносе
Обезглавленной горы.

Будто кто-то ужин вкусный
Весь осилить сам не смог, —
Вот и выбросил арбузный
Окровавленный кусок.

Глядя в небо, шепчет глухо:
«Месяц красный в вышине...» —
Седовласая струха,
Пожелав конца войне.

Победа

«К победе! За правое дело!» —
Кричали мы в грозных боях.
И знамя над нами летело —
Простреленный пулями стяг.

И небо далекое плыло
В лучах этих яростных слов.
И столько за Родину было
Положено светлых голов...

Мы мир от войны отстояли,
Спасли мы Отчизну свою,
И звезды над ней засияли
Победы, добытой в бою.

Вчера и Сегодня и Завтра
Пусть лучшее в жизни сольют.
Гремите, победные залпы!
Расцветивай небо, салют!

Да здравствуют те, что не сдали
Ни пяди родимой земли,
Что страха в сраженьях не знали
И гордо по жизни прошли.

И сердце опять полетело
Туда, где, тверды до конца,
«К победе! За правое дело!» —
Выстукивали сердца.

И памяти грозной внимал
В свободном навеки краю,
Всплывает Девятое мая,
Как памятник павшим в бою.

Юрию
Гагарину

Ты — первый в мире человек-звезда,
Хотя ты — человек обыкновенный.
Ты видел реки, горы, города
Глазами восхищенными Вселенной.

Плыла Земля, прекрасна, как цветок,
Неузнаваема — и так знакома.
Ты совершил вокруг нее виток
И приземлился в лучшей точке — дома.

Твой подвиг не забудется вовек,
Как подвиги народа боевые.
Я счастлив, что советский человек
Дорогу в космос проложил впервые.

Тобою восхищен весь шар земной —
Людей объединило это чувство:
Для каждого отныне ты — родной,
И без твоей улыбки небо пусто.

Я заклинаю невесомость строк
Стать под моим пером строфой привета,
В которой зарифмован твой «Восток» —
Счастливейшей находкой для поэта.

В горах

Синие нетающие льдины
На века одели склоны гор.
С высоты бросаются лавины,
Как сквозь сито, сквозь зеленый бор.

Осени не знающие кроны
Скрыли обнаженные стволы...
Это сосны и рододендроны
Распластали крылья, как орлы.

Сами же орлы, как самолеты,
Мимо туч и выше снежных круч
Бесконечные стремят полеты,
Маяком им служит солнца луч.

Ветру-путешественнику стелет
Ложе на ночь мягкая заба¹,
И свистит о чем-то желтый стебель,
Словно одинокая труба.

И береза в белом вся, как будто
Девушка из сказочных земель.
Ветви ели — вскинута бурка
Жениха, пришедшего за ней.

Водопады говорят про то, как
Там внизу вода меняет вид,

¹ Горная трава.

И серебряный галун потока
У Череха на груди блестит.

Заарканить зря Черек пыталась
Петлями своих ручьев гора:
Каждая ее петля осталась
В этом галуе из серебра.

Небо здесь искромсано клинками
Тех вершин, что выше всех клинков.
Туры где-то рядом с облаками —
Словно тени этих облаков.

А внизу у самого подножья
Побелел весь от овец лесок...
Эхо гор весь день покорно множит
Сыбызгы¹ задорный голосок.

В это эхо часто, как тревога,
Вдруг врывается автогудок...
И петляет по горам дорога,
Будто сто дорог сплелись в клубок.

Шины склоны день-деньской утюжат:
Мотоцикл, автобус, грузовик...
Наши горы с техникою дружат,
Как с безусым юношей — старик.

Поражает горная природа.
Только разве кто ее поймет
Лучше горцев, моего народа,
Кто в горах давным-давно живет...

¹ Самодельная свирель.

Бекирби

Работал старый Бекирби
В тени орешника зеленой.
Он по скале кувалдой бил,
Как будто в кузнице каленой.

Пусть силы старика малы,
Не покладая рук трудился,
Покуда в трещину скалы
Котел чугунный не вместился.

Кувалду заменил на лом,
Кинжалом довершая дело,
И острый камень над котлом
Повис, обтесанный умело.

И пусть пока в котел течет
Лишь орошавший лоб без меры
Соленый стариковский пот,
Он все же не теряет веры.

Домой приходит Бекирби.
Он видит сон, подобный чуду:
Как на ветру — трава в степи,
Вода колышется повсюду.

И утро, тронув край ресниц,
Смахнув и тень сомнений прежних,
Особым щебетаньем птиц
В тот день наполнило орешник.

И Бекирби увидел вдруг,
Преображен улыбкой юной:
Скала из добрых белых рук
Поит водой котел чугунный!

Не дожил он до наших дней,
Но он из камня выжал воду.
Он был суровых скал сильней,
Хвала его водопроводу!

Тает снег, вздувая воды рек,
Мчащих по набухшим руслам-венам.
Затопил отчаянный Черек
Берега потоком белопенным.

В талых льдинах яростный разлив
Далеко, до самых гор, простерся.
Волны, точно кони в струях грив,
Пляшут возле мокрого утеса.

В сердце тоже вызрела весна,
Нет ее светлее и чудесней!
И стремится вырваться она
На простор из сердца новой песней.

Так, чтобы открылись все сердца,
Радуюсь в ответ ей без границы,
Как нехитрой песенке скворца —
Маленькой весенней доброй птицы.

Дожди

Из-за гор, клубясь, теснясь,
Облака крадутся,
И, над ними наклонясь,
Грома не дождутся,

Чтобы весело и зло
На землю пролиться...
Наконец им повезло! —
Сколько дождь продлится?

Он еще совсем дитя,
Что его бояться?
Но мальчишки от дождя
Врассыпную мчатся.

Небо хмуро и темно
Над землею черной,
Как вечернее окно
С лампой неключенной.

Но едва прошита мгла
Молнией кривою,
И просторна, и светла
Даль над головою.

Я остался на лугу,
Где, нежны, кудрявы,
Как мальчишки на бегу, —
В крупных каплях травы.

Где усталые цветы
В радостной отваге
Рвутся в небо, налиты
Жаждой чистой влаги.

Все до капельки вобратъ
В лепестки решили!
...Зря мальчишки убежать
От дождя спешили.

Дождь — волшебная вода,
Вы себе заметьте.
От дождя растут всегда
И цветы и дети.

Время, словно в детстве, мчи,
Счастье отмеряя!
Ты мочи, меня, мочи,
Дождь родного края!

В новом доме окно, словно рама для гор...
И хотя потянуло прохладой ночью,
Вел балкарец-старик о былом разговор,
К сквозняку повернувшись спокойной спиной.

Чтобы гость самый старший вдруг не заболел,
Кто-то встал, торопливо окно закрывая.
Но окно затворить аксакал не велел,
Чтоб дышать без конца ветром отчего края.

Он сказал: «Пусть бушуют в квартире ветра,
Прилетевшие с самой зеленой вершины.
Нам они не страшны: ведь бывала пора,
Когда так тосковали о них наши спины!..»

* * *

Мы целый день врага крушили,
Под вечер выбив из села...
Простая женщина в кувшине
Воды российской принесла.

И под ее горячим взглядом
Я вспомнил горное село...
А ей казалось, будто рядом
Стою не я, а сын ее...

Ушел давно... Его дорога,
Как и моя, равна войне.
Отозвалась ее тревога
Тревогой боевой во мне.

Малахитовая гелеу¹

Кто ковер разостлал под горой на равнине?
Поливают его щедро летние ливни.

Но как только рассеются черные тучи,
Он становится вмиг от лучей еще лучше.

И не счесть в малахитовом море росинки —
Будто кто-то из девушек бусы рассыпал.

В каждой бусинке светит, играет, смеется,
Как дитя после слез, после дождика — солнце.

В детстве эта гелеу была мне постелью,
С ней я радость делил и любую потерю.

В жизни столько дорог я прошел по гелеу!
На полях фронтовых ты, гелеу, горела...

То косили тебя, то арба подминала,
Только голову ты все равно поднимала!

На судьбу на мою ты, гелеу, похожа.
Мне не надо иной. Оставайся такой же!

¹ Высокогорное пастбище.

Руки старого Хасана

Руки старого Хасана
Не белы и не нежны,
Чтоб трудиться неустанно —
Быть бесстрашными должны,

Не бояться черной пыли
И жестокого огня...
Пребывают в полной силе,
Честь рабочую храня.

На одной набухла жила,
Шрам прошил другую вдруг...
Но ножи, подковы, шила —
Дело этих умных рук.

В кузницу приходит рано
Он, хозяин крепких рук.
Любят старого Хасана,
Почитают все вокруг.

Заглубели его руки
На ветру горячих дней,
Но зато во всей округе
Не найдешь души нежней!

Кули́на

Полюбила парня Кули́на,
И когда, как будто по заказу,
Он послал сватов, ждала она,
Что судьба ее решится сразу.

Только мать сказала: «Никогда!»
А отец, невесте сердце ранив,
Будто постучалась в дом беда,
За кинжал схватился с грубой бранью.

Что же делать бедной Кули́не?
Злое горе ей уста связало.
— Будь все так, как вы велите мне, —
Матери с отцом она сказала.

А сама Мурату знак дала,
Рассудив, что это будет прощенье...
И у родника его ждала
В пятницу, в ольховой тихой роще.

Тот родник всегда влюбленным был
Лучшим другом — их свидетель тайный.
Жажду утолял и жаркий пыл
Остужал водой своей хрустальной.

Кулина стоит у родника,
Приобщенная к великой тайне,
И пылает каждая щека
Трепетным румянцем ожиданья.

Начинает воду лить в ведро,
Черная ее большою чашей,
Точно проливает серебро,
Им любуюсь, струйкою тончайшей.

Но ведро с дырой. Его нельзя,
Сколько ни трудись, наполнить влагой...
Проглядела дева все глаза,
Смущена сама своей отвагой:

Где ж Мурат?.. Да вот и он. Седло
Скакуна не тесно для влюбленных!
И, покинув отчее село,
Скрылись двое в зарослях зеленых.

Бесится отец, услышав весть,
Что с джигитом дочь его сбежала.
Как же! Оскорбили его честь.
Смоет этот стыд клинок кинжала.

Но нельзя похоронить весну,
Но родник не завалить землею,
И не удержать в плену луну,
И огня не погасить золою.

И цветком не станет плоть плода,
Возмечтав вдруг о пути понятном.
И не заарканить никогда
Звезд, горящих в небе необъятном!

Тают льды на склонах гор,
Тают льды озер и рек...
Он не потому ли скор,
Мой проснувшийся Черек?

Мутит свои воды он,
Хочет на исходе тьмы
Досмотреть последний сон
Отступающей зимы.

Вновь приход весны трубят
Пастухи. Зиме конец!
В сердце — песня про тебя
Вырастает, как птенец.

И скворцы наперебой,
Радостью окрылены,
Гимн слагают голубой
Для тебя и для весны.

Усте Жабоевой

Без тебя мне жизни не было и нет:
Мое солнце — в глубине любимых глаз...
Ты вернула мне тобой плененный свет,
Лишь взглянула на меня в тот, первый раз.

И совсем иною стала моя жизнь,
По совсем другому руслу потекла,
Лишь ладони наших робких рук сошлись
И слились в одно два маленьких тепла.

И куда бы ни вела меня судьба,
По негаданной, изменчивой тропе, —
Может, даже забывал я про себя,
Но зато повсюду помнил о тебе.

На лице твоём всегда читал ответ,
Все равно: везло мне или не везло...
В дни побед, в дни самых-самых горьких бед
Грело сердце мне руки твоей тепло.

Тихая страна

Как будто склоны странных гор,
На кладбище холмы могил.
Печально опустил я взор,
В молчанье голову склонил.

Как не похожи камни их!
И различаются вот так:
Дома у нас, людей живых,
То мрамор, то простой чурбак.

А под землю все равны:
В холодной беспросветной мгле
Одни и те же видят сны
О том, что нет их на земле.

Но тишина здесь — как струна:
Вмиг зазвучит, лишь прикоснешь.
Да, эта тихая страна
Настроена всегда на жизнь.

Шипы розы

По утрам в саду влажнеют розы, —
Без конца на них смотреть готов:
Словно слезы — выпавшие росы,
Алые от алых лепестков.

Ароматом их окрашен воздух
В цвет неуловимого огня.
Словно есть магниты в этих розах, —
Так и тянет к ним всегда меня.

Только все же уходить пора мне,
Ждут необходимые дела...
Розу, что особенно ала,
Я сорвал и руку вдруг поранил.

Алые оставили следы
На руке моей ее занозы.
Для защиты хрупкой красоты
Щит шипов имеется у розы.

С тобой под каштаном нас ливень застал,
Под крону его мы не прятались, но,
Хотя он старался и я помогал,
До нитки ты вымокла там все равно.

Как в неводе — рыбка, ты в платье своем, —
Струится по стройному телу вода...
Стоишь перед нами: и мной и дождем,
Глядишь виновато, дрожишь от стыда.

Я зря из ветвей мастерил тебе дом,
Едва ль он поможет при ливне таком...
Лишь туча зашла за ночной горизонт,
Домой мы с тобой пробирались тайком.

Когда повстречаемся снова в лесу,
Я, вспомнив, как ты была там смущена,
Лохматую бурку с собой принесу, —
И туча любая тебе не страшна.

Так глаза твои нежны,
Так они приятны глазу,
Что, подобно дню весны,
Кружат голову мне сразу.

Как лицо твое бело!
Замираю, оробелый...
Так искателей влекло
К белым пятнам в тундре белой.

Зов моих надежд и снов,
Дух тревог и непокоя,
Ты молчишь — и больше слов
Красноречие такое.

Пусть он труден, путь мечты, —
К морю катят воды реки...
Понимаешь, — только ты!
Только ты. Одна. Навеки.

В тот вечер словно небо прохудилось:
Сто капель — как сто сабель на вершок.
Мне никогда еще не приходилось
Увидеть, как за миг весь мир промок!

В автобусе слышны нам были всплески,
Хотя автобус — вовсе не ладья...
Вдруг ты возникла, как обрывок песни,
Как нота из мелодии дождя.

Я лишь взглянул в твое лицо — и сразу
Связала нас невидимая нить
Твоих бровей — двух строчек из приказа,
Написанного, чтоб меня казнить.

Петля для исполненья приговора —
Две шелковистые твои косы...
Мне б убежать, а я прошу шофера:
— Сломай мотор на долгие часы!..

— Чтоб только не ушла и не исчезла
Ты, — говорил я мысленно дождю: —
Работай добросовестно и честно, —
Я с нею хоть две жизни подожду! —

Но дождь прошел. Не помогло моление.
И все же мне остался от дождя
Твой образ серебристого оленя,
Который подарила, уходя.

Родная земля

С рожденья завещано предками мне
Беречь каждый камень в родной стороне,

Хранить чистоту ее чести,
Всегда быть во всем с нею вместе.

Немало я видел таких городов,
Где был бы и сыт и одет без трудов,

Но скромность родимого края
Милей чужеземного рая.

Где склон Минги Тау в тумане плывет,
Издrevле там добрый народ мой живет.

Там сакли стоят на уступах,
Вовеки врагу недоступных.

И вложено было немало труда,
Чтоб к пастбищам горным взбирались стада.

Мы в скалах дороги долбили,
Чтоб край наш друзья не забыли.

Преград для мечты человеческой нет:
Пронзил тьму веков электрический свет.

Где роги пастушьи трубили,
Гудят заводские турбины.

Живет мой народ, в свою землю влюблен;
Не знает ни горя, ни зависти он.

Соседям во всем помогает
И щедро друзей принимает.

Родная земля, ты — мой солнечный дом!
Я сам тебя создал упорным трудом.

И все мы, как знаешь сама ты, —
Твои сыновья и солдаты.

Недописанный стих

Была атака.
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Сдержав дыханье,
Прервал, чтоб дописать когда-нибудь.

Навстречу нам
Неслись свинец и пламя,
Визжали танки, подминая нас,
Шли бомбовозы-хищники над нами,
С нас не спуская
Зорких злобных глаз.

Но помню:
Свиста бомб почти не слыша,
Стреляли мы, и, струсив, враг бежал,
И уносили в тучи выше, выше
Чужие птицы
Сталь смертельных жал.

Перед глазами
Расплылись кругами
Трава и солнце бледное вдали.
Я слышал дрожь земли под сапогами, —
Горелой,
Искореженной земли.

...Была атака,
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Сдержав дыханье,
Прервал,
Но допину когда-нибудь!

Жулдузхан

(ПОЭМА)

1. НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Кавказские горы, вершины седые,
Бесстрастные, древние и молодые,
Суровые — как на посту боевом,
В кудрях облаков и в снегу вековом..

Сдувая завесу густого тумана,
Все видите вы с высоты без обмана.
И голосом эха в буран и в грозу
Ведете беседы о том, что внизу.

Холодной зимой вы, как мячик, друг другу
Швыряете злую голодную выюгу.
Кого эти игры застигнут в пути,
Едва ли до дома сумеет дойти.

Я вырос в горах, и не раз я, бывало,
Слышал не без трепета грохот обвала.
Над горной тропой, когда к дому я брел,
Парил — по-хозяйски — суровый орел.

Нередко меня здесь опасность встречала,
И все-таки ваша краса величава,
Кавказские горы! Встречая зарю,
Всегда с восхищеньем на вас я смотрю.

И тихая прелесть ночей ваших лунных,
И шелест деревьев, зеленых и юных,

Как запертый в клетку тюремную сокол,
В горах недоступных, высоко-высоко,
Балкарский народ проживал с давних пор,
И был он до времени пленником гор.

Он скалы долбил, но тяжелые камни
Лишь только дрожали в ответ под руками
Да лоб орошал изнуряющий пот...
Хватало народу и прочих забот.

Он землю нахал: это было не просто —
Она камениста, жестка, как короста,
Но он, как умел, эту землю любил
И к скалам нехитрые сакли лепил.

Враги на него напали, бывало,
И, дружно поднявшись, село отбивало
Ту землю, ту жизнь, что трудна и груба,
Но все же то лучше, чем доля раба.

А если врагу выпадала удача,
Не горестной нотой покорного плача
Игрушки превратной судьбы боевой —
Встречал мой народ этот час роковой.

Он силы тайком собирал воедино,
И с шеи срывал он ярмо господина.
Любой, кто оружие может держать,
Шел в бой, чтобы снова свободой дышать.

И против своих богачеев, бывало,
Народная сила стеною вставала.
И каждый скорей умереть был готов,
Чем жить недостойней скота — у скотов.

Что знаем о времени том невеселом?
Руками, зубами, березовым колом

И шум ваших рек — все таит непокой,
Как в мире изменчивой жизни людской.

Я знаю, откуда такая тревога;
Вы видели много, вы знаете много,
И жизнь ваша трудной и сложной была —
Недаром любая вершина бела.

Как часто бывает здесь ливень жестокий,
И мутные рушатея с неба потоки,
Сминая траву и ломая кусты,
Что жмутся бессильно в плену немоты!

Но вот их лавиною бурной умчало,
И горная речка начнет все сначала,
Чтоб снова, как ветарь, после грозной грозы
Струилась вода в ней — светлее слезы.

Когда небеса не темны и не хмуры,
Пасутся на пастбищах мирные туры,
Но дула охотников помнят о них,
И нет им покоя на кручах родных.

И птицы и звери знакомы здесь с детства
С сигналами бедствия, с ужасом бегства.
Но только ль животных издревле в горах
На тронах коварных преследовал страх?

Охотник был тоже песчинкою жалкой.
С кремневкою старой да острою палкой
Шел в горы отнюдь не за славой бедняк:
Затем, чтоб семью прокормить кое-как.

Недаром и в песне старинной поется:
«Охотнику больше других достается
Потерь и невзгод, и немислимых бед.
Несчастней людей, чем охотники, нет!»

Случалось господ моим предкам крушить
За право, такое бесспорное, — жить.

И было им трудно готовиться к битве:
Тела их избиты, а души забиты,
А руки в крови от незримых оков.
Гнетет их ярмо трех заклятых врагов.

Бог — бедный вдвойне его слушаться должен.
Богач подчинения требует тоже...
Разбойник-сосед разоряет кого?
Конечно же, бедных людей, не его!

А что говорить о горянке несчастной?
Служанке слуги! В суете ежечасной,
Бесправна, под бдительным оком родни
Влачила она бесполезные дни.

Кавказские горы, вы видели много,
Вы знаете, как начиналась дорога,
Крутая, похожая на поворот,
Которой пришел к светлым дням мой народ.

Высокие звезды, вы помните также
Тех юных героев, веселых, отважных,
Чьи лучшие ночи прошли не в селе —
Под посвисты пуль, в громе боя, в седле!

Поток-песнетворец, мне песней поведай
О том, как знаком и с бедой, и с победой.
Не раз ты, поток, свое русло менял,
Когда тебя ветер беды догонял.

Мне видятся снова в воде твоей бурной
Бессильные плечи под черною буркой.
Немало джигитов — в твоей глубине.
Сердца их пробиты на давней войне.

А редко ли ты выносил на откосы
Из темного омута девичьи косы?
И бедная мать, не в себе от беды,
Бросалась за дочерью в бездну воды.

Холодные ветры, вы в трубах рыдали,
Вы вместе с людьми голодали, страдали, —
Куда же теперь вы? Ответа я жду,
В какую тогда вы попали беду?

По ком вы так плакали, добрые ветры?
Кому шелестели печальные ветви?
Дерзнул я о помощи вас попросить,
Чтоб в нынешнем прошлого дни воскресить.

Немые свидетели, горы родные,
Луга, водопады, ручьи ледяные,
Ущелья, долины, тропинки, леса,
Проснитесь, подайте свои голоса!

Ты помнишь, река, как цеплялся руками
Джигит за траву, за кусты и за камень,
Но силы иссякли, спастись он не мог, —
Привязанный к камню намокший комок...

Немые свидетели, шел против смерти
Народ мой... Так что ж вы молчите? Ответьте!
И вправду вы немые, и вправду глухи...
Но знаком вопроса не кончить стихи.

Я знаю, с вопросом к кому обратиться,
Спрошу я Октябрь, что Победой гордится,
Спрошу у балкарцев, своих земляков,
Спрошу я у партии большевиков.

Поеду в аулы, что всё пенытали,
Где люди и горе и радость видали,

Где память не сжег ураган огневой,
Где каждый старик — это опыт живой.

Расскажет он мне и старинные сказки
И то, как сражался народ наш балкарский,
Как кровь его щедро на землю лилась,
Чтоб стала навеки народною власть.

В одном из таких вот аулов бывалых,
Хранителей этих сокровищ немалых,
Пришлось говорить мне со старой Жулдуз.
Печальный хранит она в памяти груз!

Непросто вновь встретиться с прошлым старухе
Но помнят ее узловатые руки,
Спина, что согнулась от бремени лет,
Что было, что сплыло, чего уже нет.

Поведала все, моей просьбе внимая,
И ей помогала природа немая
Сочувствием ветров, и веток, и вод...
Пусть этот рассказ и для вас оживет.

2. РАССКАЗ ЖУЛДУЗХАН

«...Зачем, сынок, бывшее ворошить?
Мы в памяти его подальше спрячем.
Дома пылали, страшно было жить,
И пахло гарью в воздухе горячем.

Настаиваешь? Ладно, так и быть,
Хотя мне страшно это вспомнить даже.
Жила я в сакле... да, чтоб не забыть,
Скажу: она черна была от сажи.

Наш дом был беден, надо понимать,
Но помню материнские уроки:
Всему меня учила строго мать,
Что женщина умеет на востоке.

Вздувать огонь, заквашивать айран,
Ткать полотно и прясть была должна я.
Беспрекословно, как велит Коран,
Весь день трудиться, устали не зная.

Так жизнь прожить мне было суждено,
Хоть смутно по-иному жить хотелось,
И я вертелась, как веретено
В моих руках заученно вертелось.

Безрадостней, чем бесконечный пост,
Печальнее, чем солнце на закате,
Стелились дни к ногам моим, как холст,
Который я ткала на тауате¹.

Трудились в поте, не щадя себя, —
И все-таки не стали мы богаты.
Но пробил час — к нему вела судьба —
И в дом наш бедный постучались сваты.

Робела я под взглядами мужчин,
Прощаясь с жизнью всей своей былою.
Они хвалили скромный мой хичин²,
Мою бузу³ тянули с похвалою.

Не знала я, чего мне ожидать,
Но, сколько ни старалась, не сумела

¹ Самодельный деревянный ткацкий станок.

² Пирог.

³ Хмельная брага.

Улыбок их блудливых разгадать,
Из-под ресниц бросая взгляд несмело.

И в душу незаметно страх проник.
Но — что для них он, этот страх девичий?
А обо всем спросить их напрямик
Не позволял старинный наш обычай.

О, знать бы, что случится впереди,
Какая злая доля мне досталась!
Ведь сватали меня за Кубади,
Чтоб, дав калым, потешить его старость.

Отец и мать решили без меня
Мою судьбу, мне не сказав ни слова.
Была довольна сговором родня
Жених не юн? Да что же тут такого!

Когда узнала, стал мне день как ночь.
Напрасных слез я пролила немало.
Никто не мог беде моей помочь.
Родная мать меня не понимала!

Шли дни. Смирившись, тихо я ждала,
Угрюмая, бессильная и злая.
Ах, если б утопиться я могла,
Ах, если бы в огне сгореть могла я!

И не забыть мне рокового дня,
Он от других ничем отличен не был,
Но вдруг соседка вызвала меня
И — словно на меня свалилось небо!

Наивная доверчивость моя,
Как никогда, в тот миг была не к месту.
В своем волненье позабыла я,
Что есть обычай похищать невесту.

Еще не затворила я ворот,
Еще нога на землю не ступила,
Меня схватили и заткнули рот
И потащили... Несколько их было.

На помощь не успела я позвать,
Лишь «мама!» со слезами повторяла
Да пискнула, что нечем мне дышать
И сразу же сознание потеряла.

Не час, не два в беспамятстве была.
Пришла в себя — и стало еще хуже.
Чей это дом, я сразу поняла
И вспомнила о ненавистном муже.

Свершившееся не сочтя бедой,
Считая, что все это неизбежно,
Отпаивали женщины водой
Меня, полузадушенную, нежно,

Внушали: «Ты теперь — его жена,
Смотри, наперекор — чтоб ни словечка!»
Потом ушли. Осталась я одна,
Как связанная бедная овечка.

Что было делать, горемычной, мне?
Где выход? Только нож, петля, отравы...
Вот так я оказалась в западне,
За сто земель от правды и от права!»

...Неспешно разговор ведет Жулдуз
О времени недобром и суровом.
Ее я молча слушаю; боюсь
Прервать рассказ неосторожным словом.

И светится в глазах ее душа,
Что верить и бороться не устала.

Жулдуз еще, как прежде, хороша,
Хоть голова серебряною стала.

Пусть изменили многое года,
И все же красота не уступила!
Да, видно имя Жулдузхан — Звезда —
Не зря дано ей при рожденье было.

«Так попробуй девчонку роди,
А не сына, желанного сына!
Что такое твой муж Кубади
Ты узнаешь, — не будь я мужчиной!»

Так жене Кубади угрожал,
Ей, бессильной, приказ повторяя,
За ворота, взбешенный, бежал
Как слепой, путь от злости теряя.

Но опять его жизнь подвела.
Вот окончились трудные роды:
Третью дочь Жулдузхан родила
По законам великой природы.

И тогда разрозилась гроза!
Муж к жене виноватой подходит...
Кровью налиты злые глаза.
Как безумный, он ими поводит.

Ту, что в жены за деньги добыл:
Хороша, да — увы! — не богата, —
По лицу он безжалостно бил,
Будто вправду она виновата.

А потом он куда-то пропал...
Через месяц, помятый и пьяный,
Всю одежду свою истрепав,
Воротился — да не с покаянной.

За собою не чую вины,
Жулдузхан попрекал он сурове,
И на голову бедной жены
Сынал громы и молнии снова.

А жена, и тиха, и скромна,
Одного лишь покоя хотела,
И могла ли подумать она,
Что пойдет он на подлое дело?

Разве сердце имел он в груди?
Нет, не сердце — змеиное жало!
Выгнал вон Жулдузхан Кубади,
Оттого что девчонок рожала.

Хоть в замужестве горьком своем
Напилась Жулдузхан горя вдосталь,
Дни и ночи терзало ее:
Что сулит ей позорное вдовство?

3. ПРИЧИНА РАЗДОРА

«...Если дочь, а не сына родишь,
Ох, недоброе, помни, случится!
Как собака, во двор угодишь,
Будешь выть у меня, как волчица!

Задуши свою подлую дочь,
Раз уж быть нерожденной нельзя ей,
Утопи ее в темную ночь! —
Так велю тебе я, твой хозяин.

А родишь мне мальчишку, тогда
Гордо шапку я к небу подброшу!
Вот тогда будешь вправду — звезда
И увидишь, какой я хороший.

Пусть продам свой последний банлык
Все ль богатство уйдет, половина —
Закачу на весь мир курманлык¹,
Ничего мне не жалко для сына!

Ну а — дочь... Задушу эту мразь,
Если снова девчонку посмеешь
Ты родить! Я и так уже власть
От друзей натерпелся насмешек».

И не девушка, и не жена,
Жив отец, только сироты дети...
В отчий дом возвратилась она,
Робко в дверь постучав на рассвете.

Кто утешит ее? Кто поймет,
Примет беды ее и заботы?
...Когда выкачан, высосан мед,
Так бросают ненужные соты.

4. В ОТЧЕМ ДОМЕ

Когда Жулдуз вернулась в отчий дом,
Как с ним рассталась — не по доброй воле, —
Она родным поведала с трудом
Всю правду о своей печальной доле.

Мать слезы отирала под конец,
Ее рассказу грустному внимая.
Хватался за оружие отец,
Внезапное решение принимая.

Намаз, опомнясь, тут же совершал,
В своей молитве, горестной и длинной,

¹ Пир.

Как поступить, аллаха вопрошал
И умолял его помочь невинной.

«Вели, чтоб передумал Кубади!
Раскается — карать его не надо.
А если не захочет — не щади:
В огонь его, на муки, в бездну ада!»

А помолясь, пошел он к эфенди¹
И, выразив почтение вначале,
Поведал о поступке Кубади,
О дочери, что в горе и в печали.

О том, что Кубади в ее судьбе
Повинен — и за то достоин кары...
Но эфенди не внял его мольбе,
И вот что от него услышал старый:

— Напрасно затевася ты скандал.
Не понимаю, что тебя тревожит?
Кому аллах не дал — тому не дал...
Семь раз жениться мусульманин может!

Как будто в чем безвинно виноват, —
Стал даже меньше ростом, сник, согнулся, —
Ни с чем убитый горем Бекболат
В свой бедный дом от эфенди вернулся.

Твердил: — В обиду дочь свою не дам,
Ей помогу во что был то ни стало! —
И понял старый: не у тех, не там
Добра и справедливости искал он.

С тех пор, неясной думою томясь,
Стал он совсем иным, чем был дотоле:

¹ Мулла.

Не так усердно совершал намаз,
Все больше думал о бедняцкой доле

О том, что старшина, и бай, и суд
За бедняками вместе смотрят в оба
И паутину общую плетут,
В которой биться беднякам до гроба.

А Жулдузхан, придя в себя едва,
Тотчас познала бремя новой боли.
Что означает женщина-вдова? —
Разбитая тарелка — и не боле!

Тяжелым стал когда-то стройный стан,
Взгляд погрузнел, пугливо плечи сжались.
Одни лишь только руки Жулдузхан
Без усталости за жизнь ее сражались!

Трудились от темна и до темна,
То в поле, то у очага родного
И постепенно обрела она
Благодаря им радость жизни снова.

Как ни горька была ее судьба,
Но, за другие, юные, в ответе,
Она теперь не только для себя —
Для дочерей жила на белом свете.

5. КОМИССАР

Однообразно дни летят,
Не избалованы удачей...
Но и до гор дошел Октябрь
И все вокруг переиначил.

Верна свой благородный труд,
Он новый путь открыл России,
И как повсюду, так и тут
Трещит империя всеильных.

Так капля к капле и река...
Слаба, когда одна на свете
Рука, что кормит бедняка.
Но — если вместе руки эти?

Шумят дожди, ручьи... И вот
Из ручейков, из малых тучек,
Из тихих родниковых вод
Поток рождается могучий.

Один поток, другой поток
Летят друг к другу, с ветром спора...
И вот, как крохотный листок,
Уже корабль качает море.

Подобно морю, гнев людской
Обрушился волною грозной
На мир, отравленный тоской
И безысходной мукой слезной.

И солнце засияло тем,
Кто пребывал во тьме веками,
Кто был и слеп, и глух, и нем,
Как одинокий серый камень.

Очнулись люди и пошли
Под стягом, где сияло: «Ленин».
Большевики их повели
На бой решительный, последний.

Тому, кто притеснял народ,
Пришлось несладко в эту пору.

А бедняки, наоборот,
Пошли, как говорится, в гору.

Стоял в горах веселый гул..
Все было новым, небывалым.
И каждый маленький аул
Встречал зарю под флагом алым.

Теперь простые люди — знать,
На все — их власть, не чья-то милость.
Жулдуз теперь и не узнать:
Помолодела, распрямилась.

С подругами, а не одна.
Ни взглядов злых, ни чьей-то брани..
Как равная пришла она
С другими вместе на собрание.

И, удивляя всех вокруг, —
К такому не привыкли люди, —
Жулдуз заговорила вдруг:
— Пусть власть Советов вечной будет!

Мы больше не хотим страдать.
Поверив в нового приметы,
Я даже жизнь могу отдать
За Ленина и за Советы.

Нам Ленин самым дорогим
И самым близким стал по праву... —
Одни ей хлопали, другим
Все это было не по праву.

Ворчали: — Знать, дела плохи,
И схватимся еще потом мы:
Полезли куры в петухи..
Долг женщин — хлопотать по дому!

Нет, женщину унять пора,
А то невесть чего захочет... —
Кулак известный Мухара,
Был недоволен больше прочих.

Он все ходил бочком, бочком,
Как будто бы кого боится,
И хрипловатым шепотком
Повсюду сеял небылицы.

На тех, кто робок, неумен,
Неудержимым водопадом
Обрушивал, коварный, он
Слова, пропитанные ядом.

Он подбирал ключи, как вор,
Ко всем, кто сомневался в чем-то,
И как колхозу дать отпор,
Уже давно продумал четко.

Лгал, нападал из-за угла,
То отходя, то наступая,
И жертвою всегда была
Душа забитая, слепая.

За дом, за землю, за свое,
Ничтожный, злобный кровопийца,
Готов он был, схватив ружье,
С народной властью насмерть биться.

Но люди не пошли за ним:
Ничто б их вснять не повернуло!
И навсегда он стал чужим
Для гор, для своего аула.

А вкоре прочь он прогнан был, —
Ждала ль судьба его иная?

И навсегда о нем забыл
Родной аул — земля родная.

Решили люди: «Мы одной
Семьею дружной жить желаем!»
А тут как раз из «Окружной»
Салих приехал с Николаем¹

Совет был ими людям дан:
Быстрей во всем забыть о старом.
Вот хорошо бы Жулдузхан
Аульским выбрать комиссаром...

Был кто-то этим удивлен:
Мужчины женщине подвластны?..
Но в основном со всех сторон
Кричали: «Правильно! Согласны!»

И смело Жулдузхан пошла
Путем неведомым и дерзким,
Как будто только начала
Жить с жадным любопытством детским.

Вступила в партию одной
Из первых — всех труднее первым,
И на земле своей родной
Была всем женщинам примером.

Ничуть ей прошлого не жаль,
Ничто в минувшем ей не мило!
На красную косынку шаль
Спокойно черную сменила.

¹ Салих Кумуков и Николай Виноградов — руководители Балкарского окружкома партии в 30-х годах.

Горда судьбой своей, трудом,
Всегда с народом, на народе,
Желанной гостей в каждый дом
Дульский комиссар приходит.

То в сельсовете за столом —
В делах советчиком хорошим,
А если надо — и верхом
По дальним пастбищам и кошам.

Дела просты и непросты,
Но каждое — ее отрада:
Налоги, горные мосты...
Все делает Жулдуз, как надо.

Там, далеко, где до сих пор
Лишь, быстроноги, крутороги,
Бродили туры, в недрах гор
Легли надежные дороги.

Но, строить людям приказав,
Чуть поджимать их станут сроки,
Жулдуз сама, лопату взяв,
С утра до вечера на стройке.

А жизнь летит, полна чудес,
Светло, задорно, небывало!
Жулдуз окончила ликбез,
По-русски знает слов немало...

И новый интерес возник:
Открытый новых сердце просит!
Из магазина много книг
Теперь Жулдуз домой приносит.

Ждет столько счастья впереди!
А если трудности случались,

Ни разу с просьбой к Кубади
Уста Жулдуз не обращались.

Не позабыла, кто обрек
Ее на стыд и на лишенья...
И уж теперь совсем не мог
Ждать от Жулдуз он униженья.

Теперь-то всем она нужна,
И даже сваты рвут на части.
«Вот это — человек, жена!
А дети?.. Дети — только счастье!»

И зажила почти в раю
Жулдуз — впрямь, юность ей вернули! —
Связав с Ньюиуром жизнь свою —
Он был учителем в ауле.

Он дал покой и счастье ей,
Не то что старый злобный деспот.
Он стал отцом для дочерей,
Забот отца лишенным с детства.

Он с ними ласков был всегда,
Как со своими обращался,
И без подарков никогда
Домой Ньюиур не возвращался.

Отзывчив, никогда не хмур,
В игре, и умной и веселой,
Учил их грамоте Ньюиур
И рано подружил со школой.

Не проклинал семейных уз —
Наоборот, семьей гордился...
А вскоре у него с Жулдуз
И долгожданный сын родился.

Все дни Жулдуз так хороши,
И отзвук прошлого — все глуше...
Друзья Ньююру от души
В честь сына натрепали уши¹.

Желали: — Пусть растет батыр,
Талантом и умом отмечен,
Пусть удивит собою мир,
Как дуб, могуч и долговечен!

И только старый Кубади,
Как зверь затравленный, метался.
Он пламя зависти в груди
Напрасно погасить пытался.

Чередованьем дня и тьмы
Нам остаются в назиданье,
Как от растаявшей зимы,
От прошлого — воспоминанья.

Так молодость Жулдуз прошла,
Но ей ушедших лет не жалко:
Бессмертны все ее дела,
Как комиссарская кожанка.

Грустить не стоит о былом,
Глотая старости отраву, —
Когда горячки с каждым днем
Ее преумножают славу.

Немало тружениц у нас,
Судьбой на Жулдузхан похожих.
И именно о них рассказ
В главе последней мы продолжим.

¹ Национальный обычай.

Были кручи, были тучи,
И туман, и ураган...
Сколько раз звездой надучей
Угасала Жулдузхан?

Может лишь один садовник
Знать, каким он будет, сад.
Вот среди побегов новых
Гордость сада — Хафисат.

Учит ребятишек в школе,
С ними азбуку твердит...
Муж ее — бригадой в поле —
Лучшею! — руководит.

Проклял Хафисат когда-то —
Разве дочь продолжит род? —
А теперь, седой, горбатый,
Кубади себя клянет.

Все, что у него осталось,
А богатству — грош цена,
Одиночество и старость
Да горбатая спина.

А Жулдуз душой в расцвете,
Не в чем ей себя винить:
Вышли в люди ее дети,
Вот теперь-то — жить да жить.

Будто путь ее лишь начат,
Как у юных дочерей...
Рано стариться — поняичить
Надо внуков, — да скорей!

Проросло недаром семя
В дочерях, в успехах их:
Дочка средняя на ферме
Успевае за троих.

А для младшей слов не хватит
Ни соседям, ни стихам:
В белом докторском халате
Всеяк узнает Майрусхан.

Ледники в горах сияют
Только лишь взойдет луна.
Среди звезд, что ночь рождает,
Выделяется одна.

Так среди девушек в селенье —
Скромный взгляд и стройный стан —
Самой лучшей без сомненья
Все считают Майрусхан.

Излучающая нежность,
Вам запомните она.
Но не только эта внешность
Нашей Майрусхан дана.

Закалились ее руки,
Став преградой для хвороб.
Превратился в храм науки
Маленький девичий лоб.

Да, не зря с друзьями вместе
Дочерьми Жулдуз горда.
Вырастила нам созвездье
Эта горская звезда!

Ею день счастливый создан,
Хоть был путь к нему непрост...
Пусть же ярче светят звезды
На груди у наших звезд!

Содержание

Жизнь для поэзии. Вступительное слово В. Цыбина	5
Щедрость	7
Цветы и песни	8
Навстречу ливню	9
Подарки	11
«Рассвело, опять рассвело...»	13
«Коммунист для народа живет...»	14
Огонь и вода	15
Города-герои	16
«Уж коль сравним талант с ружьем...»	18
«Бьется ветер в кустах...»	19
Море	20
Голос природы	21
«Юноша-балкарец с тонким станом...»	23
«За прямоту твою и честный труд...»	24
Родник	25
Хлеб и песня	26
Родной язык	27
«Течет чистый ручеек из Тогай...»	28
Могилы старого Чёне	29
Поэт и пчела	31
Мой аул	32
Голос Сулеймана	34
Пожелание	36
Победа	37
Юрию Гагарину	38
В горах	39

Бекирби	41
«Таает снег, вздувая воды рек...»	43
Дождь	44
«В новом доме окно, словно рама для гор...»	46
«Мы целый день врага крушили...»	47
Малахитовая гелеу	48
Руки старого Хасана	49
Кулиня	50
«Таают льды на склонах гор...»	52
«Без тебя мне жизни не было и нет...»	53
Тихая страна	54
Шипы розы	55
«С тобой под каштаном нас ливень застал...»	56
«Так глаза твои нежны...»	57
«В тот вечер словно небо проху- дилось...»	58
Родная земля	59
Недописанный стих	61
Жулдузхан. <i>Поэма</i>	63

Берт Измайлович Гуртуев
МОЯ ПЕСНЯ

Редактор **М. Тарасова**
Художник **В. Шорц**
Художественный редактор **Б. Мокни**
Технический редактор **А. Третьякова**
Корректор **Н. Солдатова**

Сдано в набор 9/IV-1973 г. Подписано к печати 9/VII-1973 г. А02115. Формат бум. 70×90 1/32. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 2,75. Усл. печ. л. 3,22 Уч.-изд. л. 2,67. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4532. Цена 42 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Рязанская областная типография 390012, Рязань, 12, Новая, 69